

Д Ж У Л И А Н Н А
М А К Л И Н

М Е Р Ц А Ю Щ И Й
О Г О Н Ъ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
М15

Julianne MacLean
A FIRE SPARKLING

Copyright © 2019 by Julianne MacLean Publishing Inc.
This edition published by arrangement with Taryn Fagerness Agency and
Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Елены Бицадзе*

Художественное оформление *Екатерины Петровой*

В оформлении переплета и форзаца использованы иллюстрации:

© Summer_candy, Katsiaryna Pleshakova, AlexandrMakedonskiy /
Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Маклин, Джулианна.

М15 Мерцающий огонь / Джулианна Маклин ; [перевод с английского Е. Бицадзе]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-193266-4

После предательства любимого мужчины Джиллиан Гиббонс сбегает в свое родовое поместье, чтобы отвлечься. Разбирая старые вещи, она находит фотографию своей бабушки в объятиях нацистского офицера. Потрясенная этим, Джиллиан пытается найти ответы на свои вопросы, отправляясь в путешествие по прошлому своей семьи.

По мере того как Джиллиан узнает больше о жизни своей бабушки, старая фотография начинает приобретать больше смысла. Столкнувшись с правдой, которая оказалась совсем не такой, как она ожидала, Джиллиан пытается пролить свет не только на тайны прошлого своей семьи, но и на свое собственное будущее.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-04-193266-4

© Бицадзе Е., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Светлой памяти
Чарльза Юджина Дусэ*

Что есть любовь? Безумье от угара,
Игра огнем, ведущая к пожару...¹

*Шекспир. «Ромео и Джульетта»,
акт I, сцена 1*

¹ Перевод Б. Пастернака. *Здесь и далее — примечания переводчика.*

Пролог

29 ноября 2011 года

Потрясающие виды открываются, когда летишь на высоте девяти тысяч метров над Атлантикой, где-то между Лондоном и Нью-Йорком. Я откинулась на спинку сиденья и окинула взглядом омытые лучами солнца пушистые белые облака. Наконец можно спокойно все обдумать: новости прошедшей недели и то, что ждет меня впереди.

Через два часа мы приземлимся в Нью-Йорке. Я пройду таможеню и встречу с отцом, который отвезет меня в Коннектикут — на ферму к бабушке. Мой рассказ, вероятно, потрясет ее до глубины души.

Меня зовут Джиллиан Гиббонс, а моя бабушка недавно отпраздновала свой девяносто шестой день рождения. У нее по-прежнему живой, острый ум, однако тело сделалось хрупким. Она худая, с синими прожилками вен на иссушенных руках и ковыляет так, будто опасается, что земля вот-вот уйдет у нее из-под ног.

Я представляю ее такой, какая она сейчас, — и не могу поверить, что когда-то давно, в молодости, задолго до моего рождения она была очень и очень сильной. До этой недели мне в голову не приходило, через что она прошла во время войны — и чем пожертвовала. Но теперь я знаю, какой храброй, неутомимой и решительной она была.

И все же мне не по себе из-за того, что она всю жизнь скрывала от нас правду. Я до сих пор не могу осмыслить

это — как и мой отец. Но мы должны простить ее — как же иначе? Обязаны простить, зная ее историю.

А еще я должна простить себя — за свои ошибки. Если уж моя бабушка собрала воедино осколки своей жизни, то я сумею и подавно.

Я опускаю шторку иллюминатора, чтобы защититься от слепящих лучей солнца, и закрываю глаза. Надо чуть-чуть вздремнуть до того, как объявят о скорой посадке. Мне и правда не помешало бы поспать.

Часть первая

ДЖИЛЛИАН

Глава 1

Три недели назад

Я должна была это предвидеть — почувствовать дрожь земли в ожидании стихийного бедствия. И тогда знала бы, что делать с рухнувшими стенами собственной жизни. Но я не сориентировалась — и выбрала побег. Не оценила ситуацию, не стала искать выход, а просто сорвалась с места. Провела полночи на заднем сиденье желтого манхэттенского такси. Одна часть меня хотела ехать в нем всю ночь напролет — мимо Хартфорда, до самой бабушкиной фермы. Другая стеснялась появиться на пороге ее дома в неурочный час. А как перепугался бы мой папа! Ведь он тоже жил на ферме — присматривал за бабушкой. Что бы он подумал, открыв дверь и разглядев в предрассветном полумраке меня — заплаканную, со следами туши на лице?

Бедный папа. Явившись на ферму посреди ночи, я бы по нему словно катком проехала. Он и так сильно обо мне беспокоился. Потому что я росла непростым ребенком — особенно после того, как потеряла маму. Она умерла от рака молочной железы в девяносто пятом — и с тех пор отец воспитывал меня в одиночку.

На самом деле... все было несколько сложнее. Но говорить окружающим, что она скончалась от болезни, оказалось легче, чем признать правду: возможно, мама смогла бы побороть рак — если бы прошла курс лечения. Я долгие годы несла на себе этот крест — мой крест.

Отбросив в сторону белоснежное гостиничное одеяло и непрошенные воспоминания о маме, я села на край кровати и потеряла глаза. Пришла пора взглянуть в лицо наступившему дню. Не то чтобы я вчера много выпила — всего-то два бокала шампанского, — но сегодня меня настигло похмелье. Вероятно, его усилили мои ночные рыдания вперемежку с приступами гнева. Как только я еще не вскочила и не начала крушить номер.

Что мне сейчас было нужно, так это душ. Встав с кровати, я прошлепала в ванную. Как хорошо! Наконец струи теплой воды вымыли из моих мыслей душераздирающий образ Малкольма с той молоденькой блондинкой.

С трудом верилось, что всего двадцать четыре часа назад жизнь казалась мне почти идеальной. Я была влюблена в удивительного мужчину, с которым собиралась обручиться, создать семью и провести вместе долгие годы. Мне думалось, будто я все-таки нашла свое счастье. Что ж, наверное, не судьба. Не суждено мне было стать матерью. Может, кто-то всесильный дразнил меня, позволяя ненадолго воспарить к облакам и насладиться открывающимся оттуда дивным видом только для того, чтобы тут же швырнуть обратно на землю и ткнуть лицом в грязь.

Я вышла из душа и остановилась у окна, за которым хмурилось серое ноябрьское небо. Ветер разворошил кучу опавших листьев на краю парковки, закружил их маленьким смерчем и разбросал по асфальту. В точности как недавние события разметали мою жизнь.

Я достала мобильный, стиснула зубы и набрала бабушкин номер. Отец поднял трубку после первого же гудка.

— Джиллиан? — В его голосе прозвучало странное воодушевление.

— Угадал. Прости, что так рано. Надеюсь, я тебя не разбудила?

— Нет, ничуть. Вообще-то ты очень вовремя. Не сплю уже несколько часов — собирался тебя набрать, но тоже боялся разбудить.

Меня охватило смутное беспокойство: отец не звонил мне просто поболтать. Мы были не слишком близки — обычно он связывался со мной, если хотел сообщить что-то важное.

— Ничего не случилось? — спросила я. — С бабушкой все в порядке?

— Да, не переживай. Пустяки. — Он запнулся. — Но все-таки ты позвонила первой. Так что давай начнем с твоих новостей. Как вчерашняя вечеринка?

Отвернувшись от окна, я подавила любопытство и села на кровать.

— Не очень, если честно. — Некоторое время я молча грызла ноготь большого пальца. Как рассказать отцу грязную, унижительную историю моей разрушенной личной жизни? Одна только мысль об этом меня ужасала. — Мы с Малкольмом... не сошлись во мнениях.

— Звучит печально. Что случилось?

— Долгая история, пап. Если вы с бабушкой не против, давайте оставим это до личной встречи. Можно приехать к вам сегодня? И, вероятно, пожить у вас несколько дней?

Отец напряженно переваривал услышанное:

— Серьезно вы не сошлись, я смотрю.

— Так и есть.

Повисла еще одна пауза.

— Ну конечно, приезжай. — Он понизил голос до шепота и, судя по всему, поднес телефон близко к губам. Я едва сумела разобрать его следующие слова. — Очень рад, что ты приедешь, — мне тоже надо с тобой поговорить.

— О чем? — нахмурилась я. — Что у вас стряслось?
— Вероятно, я слишком остро реагирую, — уклончиво ответил он. — Даже не знаю. Хочу узнать твое мнение кое о чем. Когда ты будешь у нас?

Я посмотрела на часы:

— Скоро. Я в отеле в Уэстчестере. Запрыгну на поезд — и через пару часов приеду.

— Отлично. Буду очень рад тебя видеть.

Я беспокойно сглотнула. В последний раз отец был так встревожен, когда маме поставили диагноз.

— Взаимно, пап. Похоже, нам будет о чем поговорить. До встречи.

Я завершила вызов и стала поспешно собираться — мне хотелось поскорее приехать на ферму и выяснить, что же так взволновало отца.

Малколм был одним из немногих людей, кто знал, что я внучка английского графа. Правда, я ни разу не виделась ни со своим дедом, ни с кем-либо из европейских родственников — вскоре после окончания Второй мировой войны бабушка иммигрировала в Америку.

Ее первый муж, Теодор, погиб во время Лондонского блица¹ в 1940 году. По словам бабушки, он был очень важным чиновником, одним из приближенных Уинстона Черчилля, и отвечал за производство оружия. Бабушка сильно любила его и была убита горем.

Война оставила ее матерью-одиночкой с маленьким сыном — моим отцом — на руках. Она жила с семьей своего покойного мужа, в их загородном поместье в Суррее, благодаря чему избежала многих невзгод того времени.

¹ Лондонским блицем называют бомбардировку Великобритании авиацией гитлеровской Германии в период с 7 сентября 1940 по 10 мая 1941 года.

Но в конце концов влюбилась в пилота из США, часть которого стояла на аэродроме неподалеку. Это был дедушка Джек — папин отчим. Он работал пилотом в коммерческой авиакомпании, базировавшейся в американском аэропорту Брэдли в Хартфорде. После окончания войны он сделал бабушке предложение и забрал ее из Великобритании.

Так что мой отец появился на свет во время войны, когда люди дорожили каждым мгновением. Он мало что помнил об этой главе своей жизни: прогулки по просторам английской глубинки с доброй нянюшкой в черной униформе, копошащихся в пруду уток, каменные заборы и гигантский дом со множеством слуг.

Что до его самоидентификации, то папа всегда считал себя американцем. Потому что единственным отцом, которого он знал, был дедушка Джек, сын водопроводчика из Коннектикута, родившийся и выросший на обычной ферме. На той самой, к которой вот-вот помчит меня утренний поезд.

Едва состав тронулся, мой телефон звякнул, извещая о полученном сообщении. Малкольм. Сердце болезненно сжалось — я пока не была готова что-либо обсуждать с ним. Все, чего я хотела, — чтобы он держался подальше и оставил меня в покое.

В то же время меня снедало любопытство: что он там написал? Решил извиниться? В этом случае он зря суетился, потому что прощать его я не собиралась. Ни сейчас, ни когда-либо еще — между нами все кончено раз и навсегда.

Я несколько раз моргнула. Мысль показалась мне отрезвляющей. Мое сердце было разбито не только из-за его предательства — сегодня я проснулась тридцатипяти-

летней одинокой потрясенной женщиной без собственной крыши над головой. В одно мгновение вся моя жизнь пошла кувырком. Мой корабль погружался на дно, оставив меня, сбитую с толку, барахтаться в воде посреди огромного житейского моря.

Я сделала несколько глубоких вдохов и все-таки коснулась маленькой зеленой иконки на дисплее. Высветилось сообщение:

«Привет. Ты где? Я волнуюсь. Ты в порядке?»

Мерзавец! Ни словом не обмолвился о том, что произошло накануне, — о своей неверности. Будто ничего не случилось. Слово я распереживалась из-за пустяков, не имеющих к нему никакого отношения. А он такой заботливый и внимательный друг.

Я не стала отвечать. Положила телефон на пустое сиденье рядом и отвернулась к окну. Проплывающие мимо зубья домов странным образом вторили мерному стуку колес.

Я попыталась успокоиться, но телефон снова пискнул. Раздраженно покачав головой, я решила выключить звук и игнорировать все сообщения до прибытия на место. Однако на сей раз Малкольм разродился большим посланием, поэтому я не смогла удержаться и открыла его. Видимо, в глубине души меня все-таки снедала жажда посмотреть, как он ползает передо мной на коленях.

«Полагаю, ты игнорируешь меня потому, что злишься, и я тебя прекрасно понимаю. Игнор — меньшее из того, что я заслужил. Я чувствую себя ужасно из-за того, что произошло, и до сих пор не могу поверить, как мог сделать такую глупость. Не знаю, как выразить тебе, насколько мне стыдно. Вчера, после того как ты ушла, я опустился в ад, а утром мне стало только хуже. Пожа-

луйста, вернись домой, Джилл. Давай поговорим. Я хочу, чтобы ты знала: вчера ты видела не меня, а кого-то совсем другого. Какого-то пятидесятилетнего идиота, словившего в свой день рождения кризис среднего возраста. Но вечеринка закончилась, и тебя нет рядом, а я не могу представить свое будущее без тебя. Пожалуйста, ответь. Дай мне надежду или хотя бы скажи, что с тобой все в порядке. Я не нахожу себе места, когда словно вижу тебя валяющейся где-нибудь в канаве».

Стиснув зубы, я тихо зарычала. И быстро напечатала ответ:

«Я в порядке и ценю твои извинения, но прошу не писать мне больше. Я пока не готова с тобой разговаривать. Мне нужно побыть наедине с собой. Если ты напишешь мне что-то еще, я тебе не отвечу».

Только отправив сообщение, я осознала, что все-таки дала ему надежду. Мои слова прозвучали так, будто однажды я, возможно, найду в себе силы с ним поговорить.

Может, и правда найду — но только чтобы поставить точку. Я вряд ли когда-нибудь смогу забыть то, что видела прошлой ночью, и вряд ли буду снова ему доверять. А доверие всегда казалось мне фундаментом добрых отношений.

Я никогда не считала бабушкину ферму в Коннектикуте своим *домом*. Мое детство прошло в нью-йоркской квартире, откуда я съехала, поступив в колледж, потому что не могла смотреть на ванну, в которой умерла мама. Тем не менее, когда такси свернуло на обсаженную деревьями дорожку, ведущую к бабушкиному дому, меня